

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

И.О.Тарнопольская

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОЙ УНИФИКАЦИИ В ПРОЦЕССАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ АБСОЛЮТИЗМА: НА ПРИМЕРЕ МОНАРХИИ ДУНАЙСКИХ ГАБСБУРГОВ XVI-XVII вв.

На прикладі Габсбурзької монархії XVI-XVII ст. розглядається загальноєвропейський процес релігійної уніфікації як частини створення абсолютистської монаршої влади, зв'язок світських централізаційних реформ та Контрреформаційної релігійної діяльності.

В XVI-XVII вв. в большинстве стран Европы шел процесс формирования абсолютизма. Создание абсолютных монархий (сам термин по сути является тавтологией, т.к. монархия в переводе с греческого означает «власть одного», т.е. она является абсолютной по определению) представляет собой централизацию всех видов власти в руках монарха при одновременном подавлении всех видов сепаратизма. И одним из важнейших составляющих этого процесса является религиозная унификация страны, поскольку единая религия (конфессия), признанная государственной, может служить универсальным инструментом как усиления власти монарха, так и подавления сепаратистских элементов, которые часто представлены именно конфессиональными меньшинствами. Данный процесс хорошо просматривается в истории Французского королевства (Французские религиозные войны и принятие Нантского эдикта), Польше (Брестлитовская уния 1596 г. и создание греко-католической церкви), Московского царства (унификация книг и богослужения по греко-украинским образцам), Испанской монархии Габсбургов (борьба с исламом, протестантизмом Нидерландов, иудейским элементом) и в империи дунайских Габс-

бургов. В каждой стране этот процесс имел различные конкретно-субъективные причины и результаты, был направлен против типичных для данной страны иноконфессиональных и инорелигиозных элементов. Но сами попытки (более или менее успешные) монархической власти привести свою страну к единой религии, а затем использовать эту религию для укрепления светской власти, были характерны для всей Европы.

Целью данной работы является рассмотреть проводимую светской властью религиозную унификацию на примере монархии дунайских Габсбургов как составную части формирования национальных монархий, характерного для периода Контрреформации. Религиозная унификация рассматривается в общем контексте борьбы династии Габсбургов с сепаратизмом земель и сословий и централизационного реформирования административной, военной и судебной системы. Такое исследование является актуальным, поскольку дает возможность лучшего понимания как державотворческих, так и религиозных процессов, охвативших Европу в XVI-XVII вв.

В любой из европейских стран процесс религиозной унификации имел две стороны. Первой из них была консолидация земель и людей под властью короля или императора, когда государство активно использовало доминирующую в стране церковь для достижения своих централизационных целей. Эта доминирующая церковь получает от монархической власти материальную и юридическую поддержку, власть всячески повышает ее роль, использует светские институты для подавления конкурирующих конфессий и религий. Второй стороной является подавление монархической властью поповозмений этой самой доминирующей церкви перетянуть на себя части присутствующих монарху прав и полномочий светской власти.

Папство периода Контрреформации стремилось восстановить свои подорванные позиции в Европе и усилить свое влияние и престиж. Реформация и появление конкурирующих конфессий спровоцировали активные изменения внутри католической церкви. Папство усиливало монашескую дисциплину. Сикст V (1585-1590) провел ряд административных реформ (фиксирование числа кардиналов на 70-ти и т.д.)¹. Создаются специализированные религиозные ордена: капуцины (реформированные францисканцы), иезуиты. Католические миссии успешно работают в Китае, Бразилии, Конго, Восточной Индии. К примеру, о.Франциск Ксавьер основывает японскую церковь. Католицизм успешно использует светскую и духовную власть для борьбы с протестантизмом. Ватикан старается укрепить свои пози-

ции в светской жизни. Его политико-религиозная активность проявляется по всей Европе. Тот же папа Сикст подталкивает Стефана Батория и Сигизмунда III к усилению позиций католицизма в многоконфессиональной Польше, побуждает герцога Савойского к атакам на кальвинистскую Женеву, он даже воображает себя призванным Провидением инициировать новый крестовый поход против османских турок и т.д. Папа Клемент VIII стоял за конверсией Генриха IV Бурбона в католицизм и дальнейшем ограничении (вплоть до подавления) гугенотских свобод во Франции. Их преемники продолжили политику активного вмешательства в светские дела Европы².

Однако достижения Ватикана встречали активное сопротивление монархов, причем вне зависимости от конфессиональной принадлежности последних. Главный принцип Аугсбургского мира (1555) – *cuius regio eius religio* – «чья власть, того и вера», давал монархам возможность выбирать конфессию как для себя, так и для своих подданных. Т.е. становился юридическим основанием того, что монарх считал себя не только светским, но и духовным лидером в границах своей державы. Монархи Европы выказывали уважение католической церкви, но не собирались делить власть с Ватиканом.

В каждой стране монарх искал свой путь, чтобы использовать церковь в своих целях и при этом не дать церкви использовать себя – в своих. В монархии дунайских Габсбургов (империи Габсбургов) этот общеевропейский процесс также приобрел уникальные, характерные только для этой страны черты.

Империя Габсбургов относилась к так называемым составным монархиям и включала в себя земли (Верхнюю, Нижнюю и Внутреннюю Австрию, Богемию и Венгрию) с разными законами, социальной структурой, религией и языками. Между собой их связывала подчиненность одному монарху. И именно монархи династии Габсбургов постарались использовать католицизм для объединения и контроля над подданными своей разноплеменной империи.

Габсбургская политика абсолютизации включала элементы централизации аппарата власти, утверждения доминанты императора над сословиями и распространения католицизма³. К XVI в. империя была своего рода представительским государством под контролем сословий (духовенства, магнатов, дворянства, свободных городов). Контроль сословий частично распространялся на налогообложение и бюджет, а также рекрутинговую квоту с земель⁴. Право контроля давало возможность сословиям ограничивать власть императора и создавало базис для местного сепаратизма. Наиболее влиятельные из

сословий – магнаты и дворянство – возглавлялись протестантскими лидерами. Протестанты лидировали также в чешских и венгерских городах.

Большинство современных историков оценивают борьбу между Реформацией и Контрреформацией в империи Габсбургов как в первую очередь борьбу между абсолютистской и сословной властью⁵. Габсбурги пошли по пути отождествления династии и веры. Таким образом, противодействие династии становилось прямым нападением на католицизм, принадлежность к иной конфессии – актом измены монарху, лояльность к католицизму стала лояльностью к Дому Габсбургов и наоборот. Отождествление в глазах подданных династии и веры Габсбургам удалось завести так далеко, что в XVI-XVII вв. в границах империи борьбой за веру стали не только запрещение протестантских богослужений или реконверсия протестантов обратно в католицизм. Целенаправленной пропагандой единства церкви и династии в статусе актов борьбы за веру возведены были также любые административные, военные, юридические, финансовые, т.е. по сути светские реформы, ущемляющие права сословий и расширяющие власть династии.

В начале XVI в. было реформировано центральное управление. В 1527г. при Фердинанде I оно состояло из Тайного Совета, Судебной Канцелярии, Дворцовой канцелярии и Палаты Финансов, Дворцового Военного Совета. Но главное – дом Габсбургов подверг трансформации: центральный сословный Сейм. Сейм включал три палаты: 1) электоры (Майнц, Колон, Трир, Богемия, Саксония, Бранденбург, Бавария, Платинат); 2) принцы: а) духовные (епископы Спае, Вюрмс, Бамбург, Вюрзбург, Пассау, Мюнстер, Оснабрук, Страсбург, Зальцбург), б) светские (Австрия, Брюнвик, Хессе, Вюртемберг, Мекленбург, Баден, и т.д.); 3) третья палата состояла исключительно из маркграфа Бадена. Дворянство было мало представлено в Сейме.

Первый шаг к контролю над Сеймом стало исключительное право императоров созывать его. Леопольд I превратил Сейм из созываемого органа в постоянно действующий при особе императора, но результатом такого изменения стало одновременно и превращение его из органа сословной власти в институт власти императорской. Сейм имел право принимать решения по вопросам войны и мира, созыва армии, налогам. Но источником этого права был исключительно император⁶.

Монархическая власть старалась ограничить контроль аристократии над юстицией. Хотя императору не удалось полностью ликви-

дировать права магнатского судопроизводства на своих землях, но каждое решение магнатских судов должно было подтверждаться в имперской Судебной Палате. Габсбурги также разработали своеобразный институт «бродячих» имперских юристов, курсирующих по всем землям империи и служивших судебными (и не только) агентами монархической власти⁷.

В финансовой системе Габсбургам также удалось лишить сословия права контроля над регулярным налогообложением. В XVII в. налоги на алкоголь, соль, говядину, кожи, мел, кирпич, кружева и табак стали монополией монархической власти. В 1563 и 1574 гг. династия взяла под свой контроль железодобывающие шахты и производство соли⁸.

Важным фактором эволюции власти Габсбургов было развитие военной системы. Кроме создания такого контролирующего органа как Дворцового Военного Совета, Дом Габсбургов пошел по пути создания регулярной армии (в противовес военному контингенту, выставляемому землями и сословиями на ограниченный срок). Созданный и находящийся в личном подчинении императора Фердинанда I регулярный отряд наемников насчитывал 9 тыс. чел. Однако к XVII в. их число возросло, а усилиями полководцев Монтечиолли и принца Евгения Савойского они были превращены в настоящую наемную регулярную армию⁹. Монарх становился независимым от военной силы сословий и более того, имел собственную армию, никак не связанную с сословиями, которую он мог использовать внутри страны.

Наконец, ограничение прав и влияния представителей сословий через религиозное давление. Следует сказать, что процессы централизации в Габсбургской монархии несопоставимы с той же Францией, где Бурбоны сумели провести полную централизацию государственной власти под контролем короны. Несмотря на все усилия династии Габсбургов, сословия империи все же сохраняли значительную власть. И здесь наблюдается взаимная зависимость – чем более успешны были централизационно-административные процессы в тех или иных землях империи, тем дальше там зашли и процессы Конترفормации. И наоборот – чем более католическими становились те или иные земли, тем дальше продвигалась централизация власти и меньше прав оставалось у сословий.

Наибольшего успеха как централизация, так и выдвигание католичества на роль господствующей религии были достигнуты в так называемых «наследственных», т.е. собственно австрийских землях. Влиятельные австрийские фамилии, во времена Реформации увлек-

шиеся идеями протестантизма, вернулись в лоно римско-католической церкви и создали своеобразную унию между аристократией и церковью, привилегированной религией и привилегированной кастой. Именно австрийские прелаты стали первым сословием как в центральном, так и в местных сеймах, а австрийская «магнатерия», в свою очередь уходила в прелаты или становилась патронами религиозных орденов¹⁰. Акты Контрреформационного насилия в «наследственных» землях были направлены в основном против протестантских сообществ в городах и на торговых рынках. Именно на то, чтобы уничтожить влияние этой прослойки были направлены акты о закрытии протестантских молельных домов и школ. Указы 1634, 1638, 1645 и 1651 практически прекратили протестантские богослужения в австрийских деревнях. Запрещено было также переезжать через границу для отправления протестантской обрядности¹¹.

Достижения католицизма оказались внушительными также в Богемии, несмотря на давние и сильные реформаторские традиции. Богемия долгое время имела параллельно действующую утрагистскую и католическую администрацию и две консистории. Процесс рекатолицизации был начат еще в XVI в. при Фердинанде I, но приостановился на период борьбы между Рудольфом II и его братом Матиасом. Богемское дворянство поддержало Рудольфа, однако ценой этой поддержки было ограничение власти императора в пользу сословий. «Письмо Его Величества» (1609) гарантировало права сословий Богемии и религиозные свободы. Привилегии были подтверждены и Матиасом, которого Богемия избрала своим королем в 1611 г. Некатолическая религиозная оппозиция создала собственные органы власти (Директора и Ассамблея Защитников Протестантизма), собственную армию, финансы, право созывать ассамблею сословий¹². Т.е. в Богемии повторилась аналогичная французской ситуация отдельного протестантского «государства» внутри большой католической державы. Как и французское гугенотское, богемское протестантское «государство в государстве» долго не просуществовало.

Причиной его уничтожения стали именно централизационные реформы Габсбургов, а в первую очередь – наличие у династии собственной армии, которая разбила войска богемских сословий в битве под Белой Горой. Новое «Письмо Его Величества» императора Рудольфа признает незаконными все некатолические религии, исключая иудаизм. Католическое духовенство восстанавливает свои позиции первого сословия. Уничтожение религиозных свобод стало составляющей ликвидации свобод сословий. С 1627 г. Богемия утрачи-

вает свои законы, подчиняясь общеимперским, принципы элективной монархии отменяются, Богемия вводится в число наследственных земель Дома Габсбургов («*Obnovene zrizeni zemske*»). Император становится источником законодательной власти, все государственные функционеры – представителями императора. Император в своей ипостаси короля Богемии контролировал богемский сейм (*inkolat*)¹³.

В то же время Венгрия оставалась бастионом кальвинизма в католической империи. Венгрия изначально находилась в особом положении, поскольку служила границей между Габсбургской и Османской империями. Центральная власть вынуждена была позволить ей сохранять свою армию, а уж сама венгерская аристократия не позволяла ограничить свои сословные права. Наоборот, после Пожоньского Сейма (1608) эти права лишь увеличились. Без согласия венгерских сословий император не мог ни провозгласить войну, ни заключить мир¹⁴.

Фердинанд II попытался пойти по оправдавшему себя в Австрии и Богемии пути одновременной централизации власти в руках монарха, ограничения прав сословий и объединения подданных общей католической конфессией. Но на венгерских землях этот стандартный комплекс мер успеха не имел – сильная «приграничная» аристократия и города обладали слишком большими возможностями для сопротивления. Леопольд I отменил венгерские законы и права сословий, но восстание Токоли вынудило императора восстановить все. В 1687 г. Венгрия получила так называемую Венгерскую Золотую Буллу, дающую венгерской аристократии законное право на восстания против императора в случае ущемления ее сословных прав. Именно так были восприняты попытки насильственной реконверсии и запрета протестантских богослужений и после восстания Петара Зрински в 1666-1667 гг. Династии Габсбургов пришлось отказаться от применения стандартных контрреформационных мер на территории Венгрии. Сам Контрреформационный процесс на территории Венгрии был завершен так называемым Шопронским компромиссом (1681), гарантировавший права венгерских протестантов¹⁵.

Таким образом, уже отмеченная взаимозависимость административных реформ и католической реконверсии продолжала работать. Централизация власти не имела успеха в Венгрии, тем самым срывая и возможности религиозной доминанты католицизма на венгерских землях. Существование анклава религиозного плюрализма в Венгрии лишало Габсбургов возможности централизации власти в империи¹⁶.

Под полный контроль фактически сросшихся между собой монархии и католической церкви были поставлены только Австрия и Богемия.

Сращивание государства и церкви в Габсбургской империи шло при явной доминанте государства. «Католицизация» власти означала не контроль Ватикана над государственными органами империи, а контроль монархической власти над церковью внутри страны. Габсбургский католицизм «спонсировался» и контролировался государством, вплоть до создания еще Фердинандом I полусветских, полудуховных комиссий, инспектирующих монастыри и церкви и продажи церковной собственности только при согласии государства. Эта политика была продолжена наследниками Фердинанда. При Леопольде I органы церковной власти (образовательные, цензорные и т.д.), фактически превратились в органы государственные, подчиненные воле монарха. Династия также активно поддерживала «германизацию» католицизма. С начала XVII в. немецкий язык начинает вытеснять латынь из богослужений. Тем самым он становится языком династии, языком центрального аппарата управления, языком аристократии – и приближается к статусу сакрального,

Следует заметить, что как раз принцип Аугсбургского мира «чья власть, того и вера», завершившего религиозные войны в Европе, стал главным принципом борьбы между королевской властью и системой абсолютизма, с одной стороны, и аристократами, контролирующими сословия, и феодальной системой, с другой. Магнаты интерпретировали этот принцип как подтверждение их права на независимость, духовную и светскую власть на своих землях (например, договор Кутной Горы 1485 г. давал магнатам право выбирать конфессию для себя и своих крестьян). В свою очередь монархи интерпретировали Аугсбургский принцип как базу для экспансии своей власти на всю территорию страны и всех ее жителей. Из тезиса «чья власть, того и вера» делался и обратный вывод – «чья вера, того и власть» («*cuius religio eius regio*»). С этой точки зрения конверсия всего населения империи в католицизм, религию, практически сросшуюся с императорским домом, ограничивала права магнатов и городов и трансформировала всех жителей империи в непосредственных подданных императора (без всяких «промежуточных звеньев» вроде подчинения сеньору).

Административные реформы и религиозная унификация в Габсбургской монархии были двумя составляющими процесса формирования абсолютизма и одновременно, составной частью процесса Контрреформации. Католицизм и монархия срослись настолько

плотно, что сбор налогов становился религиозным актом, а утренняя месса – государственным институтом. Успех административной централизации становился и успехом Контрреформации. Однако благодаря сильным различиям в укладе и образе жизни земель составной монархии Габсбургов ни административная централизация, ни религиозная унификация не были доведены до конца. В Европе монархия дунайских Габсбургов заняла промежуточное место между Францией, где административная централизация, сопровождаемая религиозной унификацией, создали абсолютистскую державу, и Речью Посполитой, где религиозная унификация без административной централизации и усиления королевской власти привели к развалу государства. Дом Габсбургов нашел свою собственную политическую линию, в XVII в. остановившись на границе между полной централизацией и развалом страны. В XVIII в., и период правления Марии-Терезии и Иосифа II, дальнейшая централизация страны пошла уже без необходимости отказа от религиозной толерантности.

Примечания

¹ *Dickens, A.G. The Counter Reformation / A.G.Dickens. – Thames and Hubson, 1979. – P. 140.*

² Там же. – P. 63-74, 87-88, 139-141.

³ *Bireley, R.S.J. Confessional Absolutism in the Habsburg Lands in the Seventeenth Century / S.J. Robert Bireley // State and Society in Early Modern Austria / ed. by Ingrao Charles W. – Purdue University Press, Indiana, 1984. – P. 36.*

⁴ *Kann, R.A. A History of the Habsburg empire 1526-1918 / Kann Robert A. – University of California Press, 1977. – P. 125-126.*

⁵ Там же. – P. 127.

⁶ *Berenger, J. A History of the Habsburg Empire 1273-1700 / Berenger Jean. – London; New York, 1994. – P. 291-292.*

⁷ Там же. – P. 293.

⁸ *Kann, R.A. A History of the Habsburg empire 1526-1918. – P. 118.*

⁹ Там же. – P. 120.

¹⁰ *Evans, R.J.W. The making of the Habsburg monarchy / R.J.W.Evans. – Oxford, 1991. – P. 180-181.*

¹¹ *Berenger, J. A History of the Habsburg Empire 1273-1700. – P. 307.*

¹² *Panek, J. The Religious Question and the Political System of Bohemia before and after the Battle of the White Mountain / Jaroslav Penek // Crown, Church and Estates. Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / ed. by E.J.W.Evans. – New York, 1991. – P. 131-139.*

¹³ *Evans, R.J.W. The making of the Habsburg monarchy. – P. 198-199.*

¹⁴ *Kalman, B. Habsburg Absolutism and the Resistance of the Hungarian Estates in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / Benda Kalman // Crown, Church and*

Estates. Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. – P. 126-127.

¹⁵ *Berenger, J.* A History of the Habsburg Empire 1273-1700. – P. 312-318; *Kann, R.A.* A History of the Habsburg empire 1526-1918. – P. 113-116.

¹⁶ *Schindling, A.* Delayed confessionalisation retarding factors and religious minorities in the territories of the Holy Roman Empire, 1555-1648 / Anton Schindling // State and Society in Early Modern Austria. – P. 63.

Надійшла до редколегії 04.10.2007

В.А.Дятлов

АНДРЕАС КАРЛШТАДТ И ЕГО РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДИСКУССИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ НАЧАЛА XX века

У статті аналізується дискусія німецьких істориків з проблеми характеру програми і діяльності відомого реформатора Андреаса Боденштайна Карлштадта (1486-1541), а також простежується її вплив на модернізацію лютеранства на початку XX ст.

Исследование жизни и деятельности Андреаса Боденштайна Карлштадта (1486-1541) полно контrovers, тенденциозных оценок, стереотипов, периодов забвения и жарких дискуссий, которые своими корнями уходят в реформационное время. Лютеру и его соратникам удалось сформировать негативное представление о нем и сделать все, чтобы его творческое наследие осталось за бортом официального протестантизма.

Имя Карлштадта оказывалось, однако, востребованным теми силами в лютеранстве, которые старались избавить его от догматизма и дать простор подлинному массовому благочестию. Этим можно объяснить рецепцию его наследия в XVII ст. в творчестве представителей пиетизма, старавшихся, в частности, включить его мистику в арсенал обновления официальной церкви¹. По мере схождения пиетизма со сцены религиозной жизни Германии угасали и эти скромные попытки внести имя реформатора в пантеон борцов за истинную веру. В условиях господства официальной протестантской историографии лютеранского толка имя Карлштадта на протяжении столетий упо-